

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОИНОЙ

Е Л Е Н А Р О Н И Н А

Три
ЖЕНЩИНЫ



МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Редактор серии *Антонина Самофалова*

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Ронина, Елена.

Р71 Три женщины : роман / Елена Ронина. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-162422-4

Роня, дочь еврейского портного, бойкая веселая девушка, вышла замуж наперекор отцу по любви и жила счастливо до тех пор, пока мужа не арестовали. Таисия, искренняя и непосредственная, из семьи бывших кулаков, тоже против воли отца стала женой бедняка. Тамара, строгая, прямолинейная, но наученная горьким опытом поколения репрессий и войны, привыкла, что мужчину нужно беречь, что бы ни случилось. Их истории во многом типичны для русских женщин, но есть в них и уникальные, неповторимые нотки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162422-4

© Ронина Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Иногда хочется чтения, которое отвлечет, пробудит добрые семейные воспоминания, вызовет улыбку. Повороты женской судьбы, истории поколений, взаимоотношений с детьми — все, о чем пишет Елена Ронина, легко читается и дает ощущение небезнадежности и веры в жизнь.

Вера Васильева

ГЛАВА

1

ТАМАРА

= 1 =

Значит, они все-таки решили назвать ее Тасей.

Старое русское имя и к Галиной бабушке как будто бы отношения не имеет. Теперь у нас мода на все древнее. Ну и хорошо, и пусть будет Тася. Могли ведь и Марфой назвать. Только для Тамары это имя всегда будет именем собственным в прямом смысле этого слова, и принадлежать оно будет одному человеку.

Так звали ее свекровь. Таисия Яковлевна. Необыкновенная женщина. Тамара называла ее мамой. Естественно, мамой, как же еще? По-другому было бы невозможно. И неправильно. Но, правда, на «вы». Все-таки для нее мама была одна. А это просто дань уважения. К ней, к Таисии Яковлевне, к мужу Николаю, к тем людям, которые их окружали, к своим друзьям, к друзьям родителей. А как же? Правда, Коля ее мать называл по имени-отчеству — Рахиль Моисеевной. Почему? Не сложилось. И это тоже по-своему дань уважения.

— Тамара, ты с кем разговаривала?

Тамара прошла в спальню к мужу, подоткнула поудобнее одеяло.

— Галочка звонила. Решили дочь назвать Тасей. Представляешь?

Муж, как часто в последнее время, хлюпал носом.

— Неужели у нас с тобой уже правнучка? Верить?

— С трудом!

— Похожа-то на кого?

— На кого дети в таком возрасте похожи? Помнишь нашу Наташу?

— Что про нее говорить. Два килограмма родилась. Эта же другая.

— Эта другая, пошла не в нас, в своего отца. На него вроде и похожа. А назвали все равно Тасей.

— Мать, конечно, своеобразной была. На нее походить трудно. Да вообще невозможно. Она ведь тебя обижала. А ты не сердилась.

— Ни боже мой! Она была очень искренняя и добрая. Может, только когда в самый первый раз встретились. — Тамара улыбнулась. На Таисию обижаться было действительно нельзя.

= 2 =

— Томка, пошли к родителям, надо же сообщить о свадьбе.

— Не знаю, я твою мать боюсь. Такая суровая. Вечно в платке, пиджаке.

— Ты даешь, да она как ребенок. В платке, потому что, говорит, голова мерзнет. Представляешь, придума-

ла. А пиджаки после войны остались. Как привыкла отцовские донашивать, так и носит по сей день. Отцу новые купили, а она все с этим добром военным расстаться не может. Говорит, удобно.

— Ясное дело, сказать нужно. Все равно соседи сообщат. Может, завтра, а, Коль?

— Сейчас пойдем, — жестко сказал Николай. — Ты же со мной, не придумывай.

И Ковалев крепко взял Тамару за руку.

И действительно, чего бояться? Институт закончили, знают друг друга сто лет. В одном классе учились. А на ком им было еще жениться? Хотя каждый думал, что выбор у другого огромный. Может, потому и поторопились с регистрацией, не рассказали никому. А чего тянуть? Хотя...

Николай пришел, как обычно, ближе к вечеру. В доме шел ремонт полным ходом, и временно Томка с мамой ночевали в сарайчике. Мать и дочь были удивительно непохожими друг на друга. В Роне еврейка чувствовалась за версту. Черноволосая, красивая, с всегда покрашенными губами — она притягивала взгляды своей яркой внешностью. Тамара, со вздернутым носиком, точеной фигуркой и вечно смеющимися глазами, на еврейку не походила никак. Пошла в отца. Он был родом из Белоруссии.

— Кого обсуждаем? Семечек на всех хватит?

— Тебя не обсуждаем, — рассмеялась Тамарина мать. — Николай, а ты же вроде в Москву должен был уехать, в аспирантуру? — Роня посмотрела на дочь. — Или я что-то перепутала?

— Ничего вы, Рахиль Моисеевна, не перепутали. Передумал я в Москву ехать. Никуда от меня столица не денется. Просто мысли в голову всякие лезть начали. Народу по вашей улице ходит много, а Тамара сидит каждый вечер вот на этом самом бревне для всеобщего обозрения.

— Какого такого обозрения? Не выдумывай! Сам знаешь, присаживается только вечером. С утра институт, а потом по хозяйству дел невпроворот. — Роня с любовью погладила дочь по красивым волнистым волосам. — Помощница моя, — и снова повернулась к Николаю: — Да и хорошо, что не поехал. И зачем тебе эта аспирантура? Такой пост здесь занимаешь.

— Вот я так и подумал.

Роня посмотрела на дочь, на Николая. Просто друзья или что-то большее?

— Томка, пойдем погуляем? — Николай протянул девушке руку, чтобы помочь подняться. — Да, — обратился он к матери, — мы с Тамарой решили пожениться. Вы, Рахиль Моисеевна, как считаете?

Хорошо, что семечек не было во рту, иначе Роня точно бы поперхнулась.

Ее Томка. С ума можно сойти. И ничего матери не сказала.

— Ну, раз решили, что и спрашивать. Решили, так женитесь. — В голосе женщины чувствовалась обида. Роня встала с бревна, отряхнула юбку и, не оглядываясь, пошла в сарай.

— Чего это она?

— А ты сам чего? Может, надо было со мной посоветоваться?

— А ты не согласна?

— Я согласна. — Тамара с детства не умела врать и в Николая была влюблена давно. Красавец. Один чуб чего стоит, опять же секретарь комсомольской организации института. Только вот Николай своей любви Тамаре никогда не показывал. На танцах приглашал через раз, а то и через два. И многие девчонки хвастались, что Ковалев засматривается на них.

Томка всегда была только другом. Верным, преданным. Но никак не любовью. Почему ей было знать, что выбор свой Николай сделал давно. И друзьям своим наказал: «Кто к Семашко подойдет близко — убью. Моя она, и договорено у нас с ней все».

А вот Николай про Тамарины чувства не знал. И уверен не был. И в Москву поэтому поступать в аспирантуру уезжать побоялся. Слухи до него доходили разные. Тем более Борис, Томкин старший брат, был его закадычным другом.

— Опять к нам сваты приходили.

— Это что еще за сваты?

Николай взял за грудки Бориса.

— Ты чего, успокойся. Уже не первый раз. Евреи какие-то. Я их не знаю. С матерью разговаривали.

— А Томка?

— Томка у нас принца ждет. На алых парусах. Брось, Коля, пойдем в волейбол играть. Ты чего, на Тамаре жениться собрался? Ну даешь! Знаешь, она у нас упрямая.

— Чем это упрямая? Как ни посмотрю, она то уголь за тебя разгружает, то огород полет. А ты то на речке, то на

волейболе. Со стороны так, наоборот, очень даже покладистая!

— Так я же брат, причем старший. Единственный мужчина в семье. Меня и берегут.

— А ты говоришь, не женись! Глядишь, и меня беречь будет.

— Не знаю. Она у нас правильная очень. Да сам знаешь, в одном классе ведь учились. Она замуж выйдет только по любви. А кого вот она любит? Может, Вадьку? — Борис хитро посмотрел на друга. — Ну ладно, ладно, что зеленеть сразу начал. На самом деле Томке ты нравишься.

— Уверен?

— Не уверен, сам знаешь, она у нас скрытная. Да и что я ее спрашивать буду, больно надо. В своих бы делах разобраться. Но чувствую, сестра все-таки. Я всегда знаю, с кем ей приятно находиться, с кем нет. Так что за соседского еврея уж точно не выскочит.

За еврея-то не выскочит. А Рудка? А Вадька? Все парни как на подбор. Не зря Борис про Вадьку намекал, ой не зря. Нет, нельзя ему в Москву. Упустит Тамару Семашко!

И чего Николай так волновался за свою Тамару, куда торопился? Он сам не понимал. Вроде ничего в ней нет особенного, и упрямая. И вроде бы не первая красавица. Вон Галька Мурашева. Королева, одно слово!

Но нет более верного человека, нет более справедливой и умного, чем Томка.

Женой для него будет только Тамара Семашко. Он так решил давно, еще в институте. Но где им жить?

Ковалевы занимали пол-избушки, двое взрослых детей. Николай и младший брат Генка. Маленькая комнатуха. На одной кровати мать с отцом, на другой — он с братом. Жену привести некуда. Ничего, разберемся!

А Тамара и не представляла своим мужем никого, кроме Николая. Зря он волновался, терялся в догадках. Почему? А просто лучше его не было. Умница, эрудит, и при этом весельчак, заводила. Но на первом месте все-таки его светлая голова. Рудка тоже красавец, добряк, но до Николая ему далеко. И Вадим не отставал. Но не было в них той легкости. Минута, и все девчонки влюблялись в Николая. За собой мог повести кого угодно. Институтские девицы и не скрывали своих чувств.

— Эх, вот бы с Ковалевым сегодня потанцевать удалось. Так ведет, дух захватывает.

Молчала всегда одна Тамара. Она почему-то была уверена: не про нее. Никогда Коля Ковалев не обратит на нее внимания как на будущую жену. Хотя и с братом Борисом дружил, и часто в доме у них бывал. Только все это вроде как по старой дружбе. И никогда серьезно. А тут вон что: «Мы решили пожениться».

Всегда правильная Тамара должна была поставить вопрос ребром:

— А меня ты спросил?

И мама посмотрела вопросительно: знала, у дочери от нее секретов не было. Нет, промолчала Тамара, боялась спугнуть странно пришедшее счастье.

Вечером просто ходили по парку взявшись за руки, как будто и не было решительного предложения.

На следующий день Николай пришел пораньше, сразу после обеда.

— Готова?

— К чему?

— Жениться!

— Готова. — Тамара была не из кокеток. За это ее всегда осуждали подружки, но и за советом всегда бежали к ней. Хотя советчик из Тамары был тот еще. Предательств не прощала и другим не разрешала. Поэтому, как правило, после ее советов дружба распадалась. Девушка возвращалась к своему парню, а Тамара оставалась со своим максимализмом и со все меньшим количеством подруг.

В загсе неожиданно в регистрации им отказали.

— Тоже, додумались. Пришли — и здрасте! И все точки вам обязаны. Шаг-то какой?! Нет, ребята, тут спешить нечего. Идите отсюда, идите, — заведующая загсом была непреклонной.

— На такой шаг лучше не глядя, — неудачно пошутил Николай.

— Ах, вы еще и не глядя... Так это вообще три месяца ждать!

Николай растерялся. Он привык, что сам везде вожак, но и люди его вперед пропускали. А здесь что же?

— Нет, вы не поняли. Это метафора такая.

— Чего-чего?

— Коль, пошли отсюда, неудобно, — тянула Николая за рукав Тамара. — Потом придем. Ну, раз нельзя. Куда,

действительно, торопиться? И мама узнает, расстроится, что ее не предупредили.

Разочарованные молодые стояли в дверях загса.

— Коль, ты тут чего такой в себе неуверенный? На тебя не похоже. Здравствуй, Тома.

— Здравствуйте, Августа Семеновна, — тихо поздоровалась Тамара.

— Жениться пришли, а вот, говорят, идите, проверьте чувства. По-моему, это не по-нашему, не по-советски.

— Ну ты, Ковалев, жук. Если я парторг фабрики, думаешь меня сразу советскими лозунгами убалтывать? А может, и впрямь нужно подождать. Сами знаете, когда спешка нужна. Чего, если отфутболят, не придете больше?

— Придем, — так же тихо, но твердо сказала Тамара. Ковалев незаметно вздохнул с облегчением.

— При чем тут лозунги, Августа Семеновна, просто настроились вроде. Может, замолвите словечко?

— Ну пошли, попробуем. Эх, ребята-ребята. Смотрю на вас — молодые, красивые, только жить вам да радоваться. — Августа поднесла руки к лицу. — Сами-то мы сколько лет без мужиков! Я вот жениха проводила на фронт. Все чего-то кочевряжилась: то не так, это не эдак. И что? На второй день его убило, и все. А я белой выла. И думала: вот чего выделялась? Может, хоть ребенок бы после него остался. Будьте хоть вы, ребята, счастливы. Пошли. Уговорю Варвару. Сейчас распишем вас.

И действительно, расписались в пять минут.

— Колька, поллитру-то поставишь?

— Две поставлю, Августа Семеновна! — Николай аж светился весь от счастья.

— Куда идти? К твоим или к Роне? — Августа не могла наглядеться на счастливые лица ребят.

— К нам приходите, Августа Семеновна. Ждем вас. — Тамара незаметно прижалась к плечу Николая и тут же залилась краской.

— Так мы с Зинаидой и придем. Через полчаса и будем.

Августа смотрела вслед молодым и думала про свою упущенную любовь. Успевать надо в жизни. Успевать, не откладывая на завтра. Пусть у них счастье будет. Колька парень положительный. Комсомольский вожак, одно слово. Тамару в обиду не даст никогда.

= 4 =

— Рахиль Моисеевна, поздравьте нас. Мы теперь муж и жена. Молодая женщина всплеснула руками.

— Быстро-то как. Том, куда торопились-то. Николай, что скажешь? Разве так поступают?

— Так, а что мы сделали? Дружим с Томкой с пятого класса. Распределение на носу.

— Тебе-то что это распределение, ты же у нас комсомольский секретарь. Коля, Коля! Как по жизни-то с нашей историей пойдешь? Одно дело дружить, другое — жениться. — Роня тяжело вздохнула и с укором посмотрела на молодых.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

— Тома! А в платье пошла каком? — Роня опустила на маленький топчан. Она смотрела на свою дочь, не понимая. Ну почему? Почему вечно стесняется, почему себя так не любит! И фигура хорошая, и внешность приятная. Откуда эта неуверенность, вечное желание спрятаться за чью-то спину? В кого? Нет, Роня была совершенно другой. Чей характер проявился в дочери? Сын в себе уверен на все сто!

— Мам, ты чего?

— Ничего. Есть же новое, в желтый горох, или синее хотя бы надела с белым воротничком. Нет, ну кому это все шьется? По ночам сижу, строчу, из обрезков воротнички собираю. И потом — я думала, будет праздник.

— Рахиль Моисеевна! — Николай обнял теперь уже свою тещу. — Так кто ж нам праздник-то устроить мешает?! Тем более и гости уже приглашены. Кстати, ваши же подруги.

— Господи, кто?

— Мама, Августа и Зинаида. Где Борис?

— Да вот только с Пешиным от нас вышли. Вы, видно, разминулись. Сейчас сбегая. Томка, переоденься, прошу тебя, и давай скатерть на стол. Коль, а у нас выпить нет ничего. Беги в ларек.

Николай растерянно посмотрел на молодую жену. Роня поняла все без слов:

— Держи, здесь как раз на поллитру хватит.

— А Ковалевы-то знают? — заполошилась Роня.

— Коля сказал, потом сходим.

— Ну-ну. Может, пригласишь и их, Николай, родители же?

— Ни к чему, — отрезал новоиспеченный муж. — Завтра зайдем и объявим.

— Ну, сам решай. Ой, голова кругом. Господи. Я ж вас не поздравила! Разнервничалась. — Роня подошла к Николаю, расцеловала сначала его, потом прижала к себе дочь. — Будьте счастливы.

И женщина пошла звать старшего сына.

В ларек пришлось бегать несколько раз, пока опытная продавщица не посоветовала:

— Ты возьми еще красненького да смешай. Так они быстрее напьются, а то все бегаешь да бегаешь. Смотреть жалко. И денег перевел сколько. Небось ползарплаты.

— Все бы ничего, только если бы еще мои, а то тещины.

— А впрямь стыд. Ничего, сейчас как им этот ерш намешаешь, моментом вырубятся. А теще верни потом. Это дело такое. Она тебя выручила, ты ее. Так и дружно заживете.

Продавщица Люся оказалась права, эти две бутылки оказались последними. Зинаида с Августой побрели на непослушных ногах домой, на два голоса выводя «Вот кто-то с горочки спустился». А вот Пешин — враг такой, уснул прямо на топчане. Растолкать его не удалось.

— Ну что, Николай, придется тебе к своим идти. Видишь, Лешка ваше брачное ложе занял. Так что приходи уж теперь завтра, — развела руками Рахиль Мои-сеевна.

Ковалев вздохнул, поцеловал жену и пошел на улицу Карла Маркса, где жили его родители.

— Родители, знакомьтесь, это моя жена. Зовут Тамара. А это Таисия Яковлевна и Сергей Алексеевич.

Тамара в напряжении смотрела на чужих и незнакомых ей людей. Да, это совсем не ее дом и совсем не ее мама. Очень просто одеты, выглядят значительно старше своих лет. Никогда не скажешь, что им немного за сорок.

На матери смешно повязан как-то сбоку платок. Длинная темная юбка, кофта навывпуск, на ногах хлопчатобумажные мужские носки. Отец в простых трикотажных штанах и вытянутой майке.

Крошечная комнатуха, где помещались две полтораспальные кровати, и узенький проход между ними. На одной, стало быть, спали родители, на другой — уже взрослые сыновья.

Так жили многие, ничего удивительного. Двухкомнатную квартиру Рахиль Моисеевна получила на фабрике не так давно. Просторный зал, спальня, где спали Тамара с мамой. Королевская роскошь.

А здесь просто пол-избушки. Сени, крошечная кухня, где помещались только стол и четыре стула, и комната с кроватями. Но очень чисто, и кругом вышитые подушки. Попугаи заморские, корабли с парусами. Ну надо же! И просто море цветов. Да как цветут. Видно, что хозяйка это дело любила.

В дом Тамара с Николаем шли через небольшой огород. Родители Николая были деревенские. В город переехали первыми из всей их большой семьи. Отсюда и тяга

к своему хозяйству. И корову всю жизнь держали. А как без нее? Кормилица.

Тамаре все это было непривычным. В ее семье ни огорода, ни живности. Корову, правда, купили в войну. Одну на несколько семей, а иначе не выжить.

— Колька, а че худа-то така? Поди, больная? И детей тебе никогда не родит. У тебя девки и получше были! И мать еврейка. Ну, ты, Колька, даешь! — запримечала Таисия.

Тамара дернулась обратно к двери.

— Все, мать, молчи. Это теперь моя жена. Прошу любить и жаловать. Тоже мне, худая — не худая. Я, что ли, толстый? Себя в молодости вспомни. Давно ли такая ладная стала?

— И то правда, сын. Женился, и молодец! Чего бобылем ходить, покой девкам нарушать, — отец хлопнул в ладоши. — Ну, мать, это событие нужно отметить.

— Я тебе щас отмечу. Наотмечалси, стало быть, на той неделе. Забыл, как с топором по двору носился?! — Таисия сверкнула глазами в сторону мужа.

— С каким топором? — опешила Тамара.

— А ты, девка, таперича к новой жизни привыкай. Такой таперича у тебя отец. Он если тверезый, так ангел, а уж коль выпил, так все прячемся. Только Кольку немного побаивается. А нам всем сразу, стало быть, каюк.

— Чего подвираешь? — отец гордо поднял вверх подбородок.

— Цыц, кому говорю! — строго отбрила отца мать. — Свое выпил. Дай хоть недельку передохнуть. Нехристь.